

ний. Но сегодня выбор таков: либо мы делаем спектакли, либо прибавляем зарплату артистам и сотрудникам. Люди ведь живут на грани нищеты. В управлении культуры говорят: доплачивайте из заработанных денег. А спектакли на что делать?

— Когда вам последний раз давали деньги на постановку?

— В полном объеме постановки не финансируются уже много лет. Подбрасывают иногда, по крохам. На спектакль "Последние" мы просили тысяч 30-40, все-таки классика, нужно сшить приличные костюмы. Нам дали 15 тысяч! И это не вина управления культуры, это его беда, что на творческие нужды театра катастрофически не хватает средств. Постоянно обращаемся на заводы, фирмы, чтобы помогли материалами для спектаклей. Нередко откликаются, но твердой уверенности здесь никогда нет. На ремонт государственных денег выделяют легче. За последние два года театр отремонтировали и снаружи и внутри, полностью поменяли кресла в зале, это большие затраты.

— А как обстоит дело со световой, звуковой аппаратурой?

— Все давно устарело, для нашей концертной программы мы просим аппаратуру на один-два дня и в драматическом театре, и на радио. Для наших музыкальных спектаклей нам совершенно недостает технических возможностей, мы выплываем только за счет талантливых людей. А молодежь сегодня есть с чем сравнивать, приличная дискотека упакована на порядок лучше, чем театр для детей и молодежи. Сейчас мы включились в федеральную программу финансирования, заявки сделаны до 2005 года. Но, конечно, необходимо, чтобы помощь была и на местах.

— Ваш театр постоянно участвует во всероссийских фестивалях, помню, какой сенсацией стали на Пушкинском фестивале во Пскове "Маленькие трагедии", поставленные Геннадием Тростянецким. Спектакль играли и в Москве, и в Питере.

— Это и была, по сути, последняя постановка приглашенного режиссера.

После финансового кризиса в 1998-м театр попал в очень сложное положение. У нас образовались долги, с которыми мы долго не могли рассчитаться. Два года никого на постановки не приглашали, и в течение одного сезона я сумел поставить пять (!) спектаклей. Это же работа на износ. Надоедаешь сам себе, не только артистам.

— В вашем штате нет очередного режиссера?

— С этого сезона есть. Игорь Черкашин заочно закончил Щукинское училище в

прошлом году. Человек он способный, артист очень хороший. Еще студентом он поставил спектакль по пьесе Алексея Славовского "Многоликое лицо", он был отмечен на фестивале моноспектаклей. Его дипломный спектакль "Я встретил вас и все..." Р.Беллецкого идет с успехом. Кажется, Стурца когда-то сказал, что режиссура не любит молодых. Опыт в нашем деле, действительно, вещь бесценная. Режиссер ведь по-настоящему проявляется не на первом спектакле, а года так через три-четыре. Шишки набивают все, и надо, чтобы молодой режиссер ставил то, что он хочет и может сегодня поставить, то, что ему по силам.

— Какова репертуарная политика "Свободного пространства"?

— Мы и до театрального бума, наблюдающегося по всей стране, имели устойчивый зрительский интерес. Я стараюсь строить репертуар по западной модели, обязательно включаю в репертуар музыкальный хит. У нас в городе нет музыкального театра, и мы заполняем эту нишу. Для драматических артистов у нас многие очень неплохо поют и двигаются. И молодежь мы воспитывали так, чтобы они могли работать в мюзиклах. Хитами становились "Бумбараш", "В ожидании чуда", "Вестсайдская история", в прошлом сезоне — "Фиалка Монмартра", ее поставил Игорь Власов и она очень нравится публике. А рядом с ними — серьезные авторы: Мольер, Островский, Пушкин, Шекспир, Зингер, Горький.

— Недавно "ЭС" публиковала рецензию на "Последних". Как возникла идея поставить именно эту пьесу?

— Я люблю ее и мы взяли "Последних" в работу со студентами, но до дипломного спектакля не довели. В основном из-за возрастных ролей — студентам трудно было их потянуть, хотя некоторые роли удались. Мне было жалко оставлять эту работу, тем более, что пьеса очень хорошо расхождалась в нашем театре. Пьеса мне близка и по теме, и по темпераменту. Мне показалось, что излишнюю публицистичность я сумею смикшировать. Из-за безденежья решил делать спектакль на малой сцене. Сразу возникла определенная форма, связанная с судебным заседанием, форма вроде бы простая. Но она дала ясность, аскетизм и одновременно театральность. Был ушел, а трагический смысл проявился. Артисты вышли на гораздо более подробный способ проживания, открыли новые выразительные средства.

— А как зрители принимают этот спектакль?

— Замечательно принимают, слезами обливаются. Особенно среднее и старшее поколение. Некоторые говорят даже, что слишком сильное потрясение он

вызывает. Что ж, пусть поплачут. Мы ведь почти все наделали множество ошибок в жизни, а помнить про них часто не хотим, надеемся, что спишется, забудется. Но нет, если не мы сами, то дети расплачиваются во сто крат тяжелее.

— Вы недавно вернулись из Америки, где преподавали в Университете. Отличаются ли американские студенты от наших, и если отличаются, то чем?

— Я участвовал в программе Фулбрайта, пользующейся государственной поддержкой. Эта программа осуществляет связи со специалистами из многих стран мира. В Калифорнийском Государственном Университете Монтерей-Бей, где я работал, нет узкой специализации. Там готовят профессионалов широкого профиля для театра, кино и телевидения. Студенты очень свободны, с удовольствием идут на самые рискованные пробы. У них огромный энтузиазм, готовность радостно и много работать. Но в гуманитарном, интеллектуальном плане они отстают, европейская культура для них — пустой звук. Знания очень поверхностные, зато навыков технических очень много, в особенности всего, что касается компьютерных технологий.

— Это владение компьютерными технологиями не мешает игре воображения, развитию фантазии?

— Театральная фантазия не развита, она очень вялая. Может, еще и потому, что принято считать, что режиссер все расскажет и объяснит. Поэтому этюдный, импровизационный метод, который я использовал, был в новинку. Я поставил со студентами "На всякого мудреца довольно простоты". Пьеса оказалась им очень близка и понятна. На репетициях они умирали от смеха. Мы ее играли в современных костюмах, Горюхин ходил с мобильником и вел свою избирательную кампанию. В это время шла предвыборная гонка, борьба Буша и Гора, и сюжет Островского выглядел актуально. Зал хохотал. Очень удачный получился Глумов, очень разный, с сильным лирическим началом. Театральный зал в Университете огромный, я посадил зрителей на сцене. Действие происходило на полу и на антресолях, где располагалось высшее общество. "Мудрец" очень понравился ректору. В университете есть традиция — каждую неделю ректор пишет послания студентам и сотрудникам, своеобразный отчет о том, что он сделал за неделю, где был, что видел. Вот в одном из таких посланий он сообщил, что был на спектакле и всем советует его посмотреть.

— А как складывались ваши отношения с коллегами, с другими преподавателями?

— Прекрасно складывались. Они приглашали меня на свои лекции, я рассказывал о русском театре, кино, об Эйзенштейне. Приятно было ощущение востребованности.

— Проблем с языком не было?

— Первые две недели. Дальше легче пошло.

— Вернемся в родные Пенаты. Представим себе, что у вас нет никаких финансовых проблем. Что бы вы сделали в этом случае?

— В первую очередь, по-настоящему, зрелищные спектакли для детей и подростков, с чудесами, фокусами, превращениями. Из-за нашей бедности мы отучили и себя и зрителей от театральных чудес. Конечно, тратил бы деньги на приглашения интересных режиссеров. Артистам надо платить столько, чтобы они не чувствовали себя униженными. Но им все время необходима интересная работа. И кроме больших спектаклей, обязательно должен вестись лабораторный поиск. Ну, а если еще останутся средства, то открыл бы филиал театра в Испании, там очень хорошо принимают наши спектакли.

— Модель какого театра вам ближе всего?

— Мне очень понравился американский театр, называющийся Орегонский шекспировский фестиваль, хотя на самом деле, это театр. В нем 80 артистов, три сцены. 80 процентов средств своего бюджета театр зарабатывает на билетах. В год они играют 8-9 постановок, спектакли идут один сезон. Город совсем маленький, но туда едут зрители из многих городов, других штатов. В Орегоне нашлись люди, поддержавшие театр, существующий на очень высоком профессиональном уровне.

— Какие новые названия появятся в афише театра "Свободное пространство"?

— Я ставлю "Много шума из ничего" Шекспира. Игорь Черкашин — "Эти свободные бабочки". Потом будем работать над двумя детскими спектаклями. Один из них — по пьесе В.Ольшанского, другой — "Снежная королева" Шварца. Аркадий Поляк, наш артист и режиссер, собирается ставить на малой сцене "Осеннюю сонату" Бергмана.

Беседовала
Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ